

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Последние произведения Ан. Чехова: "Случай из практики", "Новая дача", "По делам службы". — Тревожно-грустные настроения этих рассказов. — Гармоническое слияние художника и мыслителя. — Напряжённость творчества и энергия в изображении тёмных сторон жизни. — Общественное значение этих произведений.

В новых произведениях Ан. Чехова, появившихся в течение последнего ~~жизни~~ месяца в "Русской мысли", "Русских ведомостях", "Неделе" опять тревожно стучатся в душу читателя ~~жизни~~ неразрешимые вопросы жизни, которые с особой болью и остротой дают себя чувствовать в минуты глубокого общественного затишья.

1. Бываютъ такіа времена, когда кажется, будто тѣлѣга жизни остановилась, застрявъ въ какомъ-то болотѣ, изъ котораго не выбраться — ни влѣво ни вправо податься некуда, и при каждой попыткѣ только глубже и глубже засасываетъ тина. Такое впечатлѣніе, конечно, обманчиво по существу, и процессъ жизни не останавливается. Только онъ совершается гдѣ-то глубоко-глубоко, носить почти молекулярный характеръ, и въ этомъ, пожалуй, заключается его огромное органическое значеніе. Но на поверхности, гдѣ мы только и можемъ наблюдать этотъ процессъ, — эта обманчивая тишина, отсутствіе движенія и мертвящая гладь вызываютъ нѣчто въ родѣ мистическаго ужаса при мысли, что жизнь такъ и замерла въ своей современной уродливой формѣ. Чувство неопредѣленной тревоги сжимаетъ сердце, а большая совѣсть возбуждаетъ вопросъ за вопросомъ, на которые текущая жизнь вовсе не даетъ отвѣта, и вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивается на жизни внутри насъ. Кажется, именно здѣсь скрыта причина всѣхъ причинъ, и важнѣйшіе *общіе* вопросы сводятся къ рѣшенію прежде всего вопроса *личной* жизни. Какъ будто каждый изъ насъ живетъ внѣ времени и пространства, какъ будто окружающее не имѣетъ ни ма-

лѣйшаго къ намъ отношенія, есть лишь отраженіе нашего я, которое властно повернуть жизнь такъ и этакъ! И нужно много стойкости, усилій воли, той особой дисциплины ума, которая вырабатывается опытомъ, наблюденіемъ и размышленіемъ, чтобы поставить вопросъ совершенно обратно, взглянуть на себя, какъ на маленькую часть огромнаго общественнаго организма, часть, которая всецѣло подчинена законамъ этого организма, вліяющимъ на нее такъ же стихійно, какъ законъ тяготѣнія, какъ солнце и воздухъ.

Въ своихъ произведеніяхъ послѣдняго времени Чеховъ даетъ рядъ такихъ типовъ съ чуткой душой и больной совѣстью, на которыхъ тягота жизни давитъ съ особой силой, именно потому, что они воспріимчивѣе другихъ, чувствительнѣе и нѣжнѣе. Въ первомъ изъ этихъ чудесныхъ по яркости художественнаго выполненія рассказовъ предъ нами настоящая больная, нервная и разбитая, хрупкое и симпатичное существо, на которое судьба взвалила тяжесть пяти огромныхъ фабричныхъ корпусовъ, гдѣ тысячи рабочихъ вырабатываютъ гнилые ситцы для азіатскихъ рынковъ. Огромные доходы отъ этой каторжной работы камнемъ ложатся на душу бѣдной владѣлицы, которой въ сущности такъ мало нужно. Умный и вдумчивый врачъ, приглашенный къ этой оригинальной больной, раздавленной ея милліонами, невольно останавливается передъ этимъ вопіющимъ противорѣчіемъ.

Паціентка возбуждаетъ въ немъ глубокую жалость. Вначалѣ она кажется ему неинтересной и незначительной, но когда въ нервномъ припадкѣ она зарыдала, „впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ (врачъ) уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ, ласковымъ словомъ“.

Окружающая обстановка, мать, любящая и ничего не понимающая, богатство, не скрашенное даже внѣшнимъ лоскомъ культуры, угрюмый гулъ фабричныхъ корпусовъ, и среди этого неуютнаго, ничѣмъ не осмысленнаго міра чахнувшая отъ бессмыслицы жизни бѣдная дѣвушка — наводятъ доктора на размышленія. Зачѣмъ все это? Кому это нужно?

В м
Тот
перелом
мгн
„Тутъ недоразумѣніе, конечно... — думалъ онъ, глядя на багровыя окна. — Тысячи полторы — двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой, и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, на несправедливости, и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна (гувернантка больной дѣвушки), пожилая, глуповатая дѣвица въ рпсе-пез. И выходитъ такъ, что, значить, работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру“...

И докторъ совершенно правъ, когда, разсматривая всю эту нелѣпую картину жизни съ исключительно личной точки зрѣнія, приходитъ къ оригинальному выводу, что и Христина Дмитріевна тутъ только подставное лицо, а „главное, для кого здѣсь все дѣлается — дьяволъ“.

„И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ... Ему казалось, что этими багровыми глазами на него смотрѣлъ самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправить. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ слабому жить — таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку“.

Отъ этихъ грустныхъ мыслей докторъ возвращается къ своей пациенткѣ, которую застаетъ еще болѣе слабой и разбитой послѣ нервнаго припадка. Она, какъ бы провидя его думы, сама идетъ ему навстрѣчу, жалуется на одиночество, на пу-

стоту жизни. Ему кажется, что есть только одинъ хорошій совѣтъ, который могъ бы улучшить ея душевное настроеніе — бросить всю эту жизнь, фабрику, миллионы и уйти.

3. „— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наследницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоит благополучно. У васъ почтенная бессонница; какъ бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ подобный разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы, или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ, — правы они или нѣтъ, — будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

„Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки?

— Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

„Куда уйдутъ?

— Куда?... Да куда угодно, — сказалъ докторъ и разсмѣялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку“...

...Эти общія замѣчанія позволяемъ себѣ сдѣлать мимоходомъ, потому что къ разсказу Чехова прямого отношенія они не имѣютъ. „Случай изъ практики“ есть именно только „случай“, не поддающійся обобщенію. Въ разсказѣ превосходно очерчено настроеніе „мятущейся души“, подавленной непосильнымъ бременемъ жизни. Выхваченъ изъ сложной картины жизни одинъ яркій моментъ, въ которомъ съ особой силой проявляются противорѣчія, непримиримыя ни съ какой логикой, нелѣпыя сами по себѣ и тѣмъ болѣе тягостныя. Такіе моменты важны и поучительны всегда, и дорогъ художникъ, умѣющій съ поразительной живостью воспроизвести ихъ. Они важны, потому что именно тогда, какъ глубокою ночью при блескѣ молніи, вырѣзывается на хаотическомъ фонѣ житейской неурядицы вся нелѣпость исключительно личной жизни, не осмысленной и не упорядоченной одной общей, все объединяющей идеей, которая могла бы служить руководящей нитью сквозь мракъ и хаосъ

удручающей современности. Они поучительны, потому что съ особой силой чувствуется въ эти моменты вся слабость уединенной личности, ея роковая зависимость отъ стихійной силы, дѣйствительно оказывающейся „дьяволомъ“ для личности, не понимающей значенія этой силы. Въ темныхъ легендахъ средневѣковья только магъ и волшебникъ, близко изучившій тогдашняго дьявола, могъ справляться съ нимъ. Такихъ же приемовъ — изслѣдованія и изученія — требуетъ и современный „дьяволъ“, который при свѣтѣ науки оказывается вовсе не такъ страшень, какъ его малюютъ...

Уѣзжая отъ своей паціентки въ ясное воскресное утро, мечтательный докторъ „думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро“. И мы раздѣляемъ съ нимъ ту же надежду, иначе и жить бы не стоило, — но способъ, къ которому, по его мнѣнію, прибѣгнуть дѣти и внуки для достиженія этой жизни, намъ представляется мало дѣйствительнымъ, не говоря уже объ его неосуществимости.

Въ другомъ разсказѣ „Новая дача“ Чеховъ рисуетъ не менѣе яркую картину житейской нелѣпости, которая разыгрывается въ деревнѣ, гдѣ такая же „мятущаяся душа“ желаетъ найти примиреніе съ жизнью въ работѣ для деревни — и не находитъ.

По художественности „Новая дача“, пожалуй, лучшая вещь изъ написанныхъ за послѣднее время Чеховымъ. Въ ней все движеніе и жизнь, крестьянскіе типы очерчены съ тонкимъ юморомъ, смягчающимъ рѣзкость и неприглядность мрачной деревенской жизни. Разсказъ, какъ и всѣ произведенія Чехова, не замысловатъ и простъ. Въ глухую деревушку, вблизи которой проводятъ желѣзную дорогу, пріѣзжаетъ строитель моста и устраиваетъ себѣ усадьбу. Его небольшая дача, лежащая въ сторонѣ, ни мало не мѣшаетъ деревнѣ, но жители сразу настраиваются къ новымъ поселенцамъ враждебно. Они и сами не знаютъ, что имъ такъ мѣшаетъ новая дача. Но при первой возможности они устраиваютъ инженеру пакость, загоняютъ его лошадей и дорогой скотъ, хотя сами травятъ его лугъ и лѣсъ. Инженеръ пытается уладить эти отношенія и при встрѣчѣ съ крестьянами заводитъ длинное объясненіе.

„— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы, — говоритъ онъ, — дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ огородъ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь, — между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по-сосѣдски? — продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный, и взглядъ не суровый. — Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка. Вы перекопали дорогу въ Ереснево, и теперь мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы мнѣ вредите на каждомъ шагѣ? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите ради Бога? Я и жена изъ всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя сердечная, добрая женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы, братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по-человѣчески, платите и вы намъ тою же монетой“.

Такое патетическое воззваніе къ добрымъ чувствамъ крестьянъ остается ими, конечно, не понятымъ и получаетъ совершенно иное истолкованіе въ пересказѣ добродушнаго кузнеца Родіона: „Платить, говоритъ, надо... Монетой, говоритъ... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаемъ барина. Жалко мнѣ“...

Родіонъ-человѣкъ душевный, любитъ миръ, тишину, врагъ пьянства и буйства. Зато другіе, въ особенности его сынъ, Володька, и Лычковы, отецъ съ сыномъ, — это буйные протестанты. Они вѣчно противъ всего и всѣхъ, и хотя, конечно, и сами рѣшительно не могутъ понять, почему ихъ возмущаетъ и строющійся мостъ („не надо намъ моста... жили безъ него“), и новая дача, такая нарядная и красивая, и пришлая барыня, тихая, добрая, ласковая. Они несчастны, вѣчно избиты, пьяны, грязны, голодны, и въ этомъ противорѣчій между собой и новыми непонятными имъ яв-

леніями чувствуютъ поводъ для постоянного раздражительнаго недовольства. Оно вспыхиваетъ съ особенной силой въ тѣ минуты, когда обращаются къ ихъ добрымъ чувствамъ. Безотчетно, но съ тѣмъ болѣею жестокостью проявляется эта враждебность по отношенію къ барынѣ, которая всей душой стремится быть полезной, нужной именно имъ, такимъ забитымъ нуждою, всѣми забытымъ людямъ.

Барыня дѣлаетъ попытки личнаго непосредственнаго сближенія съ деревней. Она просто и откровенно объясняетъ, что ее влечетъ сюда. Придя въ деревню, она въ бесѣдѣ съ Родіономъ изливаетъ душу. На замѣчаніе Родіоновой жены, добродушной старухи, что богатымъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ живется лучше, она отвѣчаетъ отрицательно и въ примѣръ приводитъ себя.

„Это только такъ кажется, что богатымъ легко... У каждаго человѣка свое горе. Вотъ мы, я и мой мужъ, живемъ не бѣдно, у насъ есть средства, но развѣ мы счастливы? Я еще молода, но у меня уже четверо дѣтей; дѣти все болѣютъ, я тоже постоянно больна, все лѣчусь... Я вотъ сижу, говорю, а въ головѣ нехорошо, слабость во всѣмъ тѣлѣ, и я согласна, пусть лучше самый тяжелый трудъ, чѣмъ такое состояніе. И душа тоже не покойна. Постоянно боишься за дѣтей, за мужа. У каждой семьи есть свое какое-нибудь горе, есть оно и у насъ. Я не дворянка. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, отецъ торговалъ въ Москвѣ и тоже былъ простой человѣкъ. А у моего мужа родители знатные и богатые. Они не хотѣли, чтобы онъ женился на мнѣ, но онъ ослушался, поссорился съ ними, и вотъ они до сихъ поръ не прощаютъ насъ. Это беспокоитъ мужа, волнуетъ, держать въ постоянной тревогѣ; онъ любитъ свою мать, очень любить. Ну я и беспокоюсь. Душа болитъ.

Около избы Родіона уже стояли мужики и бабы и слушали. Подошелъ и Козовъ (мѣстный скептикъ) и остановился, потряхивая своей узкой бородкой. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ.

„И то сказать, нельзя быть счастливымъ и довольнымъ, если не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ, — продолжала Елена Ивановна. — Каждый изъ васъ имѣетъ свою полосу, каждый изъ васъ трудится и знаетъ, для чего трудится: мужъ мой строить мосты, однимъ словомъ, у каждаго свое мѣсто.

А я? Я только хожу. Полосы у меня своей нѣтъ, я не тружусь и чувствую себя, какъ чужая. Все это я говорю, чтобы вы не судили по наружному виду, если человѣкъ богато одѣтъ и имѣетъ средства, то это еще не значитъ, что онъ доволенъ своей жизнью“.

Она встала, чтобы уходить и взяла за руку дочь.

„Мнѣ у васъ здѣсь нравится“, сказала она и улыбнулась; и по этой слабой, несмѣлой улыбкѣ можно было судить, какъ она въ самомъ дѣлѣ нездорова, какъ еще молода и какъ хороша собой; у нея было блѣдное, худощавое лицо съ темными бровями и бѣлокурые волосы. И дѣвочка была такая же, какъ мать, худощавая, бѣлокурая и тонкая. Пахло отъ нихъ духами.

„И рѣка нравится, и лѣсъ, и деревня... — продолжала Елена Ивановна. — Я могла бы прожить тутъ всю жизнь, и мнѣ кажется, здѣсь бы я выздоровѣла и нашла свое мѣсто. Мнѣ хочется, страстно хочется помогать вамъ, быть вамъ полезной, близкой. Я знаю вашу нужду, а то, чего не знаю, чувствую, угадываю сердцемъ. Я больна, слаба, и для меня, пожалуй, уже невозможно измѣнить свою жизнь, какъ я хотѣла бы. Но у меня есть дѣти, я постараюсь воспитать ихъ такъ, чтобы они привыкли къ вамъ, полюбили васъ. Я буду внушать имъ постоянно, что ихъ жизнь принадлежитъ не имъ самимъ, а вамъ. Только прошу васъ убѣдительно, умоляю, довѣряйте намъ, живите съ нами въ дружбѣ. Мой мужъ добрый, хорошій человѣкъ. Не волнуйте, не раздражайте его... Прощу васъ, — продолжала она умоляющимъ голосомъ и сложила руки на груди, — прошу, относитесь къ намъ, какъ добрые сосѣди, будемъ жить въ мирѣ! Сказано вѣдь, худой миръ лучше доброй ссоры, и не купи имѣніе, а купи сосѣда. Повторяю, мой мужъ добрый человѣкъ, хорошій; если все будетъ благополучно, то мы, обѣщаю вамъ, сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, мы починимъ дороги, мы построимъ вашимъ дѣтямъ школу“.

Этотъ трогательный, хотя и такой наивный призывъ къ любви, миру и согласію, не вызываетъ сочувствія, разбиваясь о скептицизмъ глупаго Козова и враждебное настроеніе прирожденныхъ протестантовъ Володьки („не надо намъ школы!...“) и пьяныхъ Лычковыхъ. Бѣдная барыня совсѣмъ съеживается, пугается и спѣшитъ уйти. Толпа тупо глядитъ

ей въ слѣдъ, и только добродушно-глуповатый Родіонъ пытается по-своему утѣшить ее, разъяснить, что дѣло не въ грубости Козова или Володьки, а въ чемъ-то другомъ.

„ — Не обижайся, барыня! чего тамъ, ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. Народъ у насъ хорошій, смирный... Народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ говорю... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значить, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ... Ты ничего... — бормоталъ онъ. — Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу. Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ
6. сначала выкорчуй, выбери комки всѣ, да | потомъ вспаши, ходи да ходи... И съ народомъ, значить, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь“...

Въ концѣ концовъ инженеръ не выдерживаетъ постоянной мелкой травли сосѣдей и бѣжитъ, продавъ дачу чиновнику, который огородился, заперся и знать не знаетъ ни мужиковъ ни ихъ нуждъ и желаній. Изрѣдка, возвращаясь съ работы, крестьяне вспоминаютъ прежнихъ господъ и думаютъ. „Въ ихъ деревнѣ, — думаютъ они, — народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились, а разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только травы, уздечки, клещи, и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладили?“

Авторъ не даетъ отвѣта на эти думы, которыя вызываютъ цѣлую вереницу другихъ, тоже невеселыхъ и безотвѣтныхъ. Почему труднѣе всего подойти къ человѣку открыто, прямо, внѣ всякихъ рамокъ, въ которыя поставленъ каждый изъ насъ, — какъ это хотѣла сдѣлать Елена Ивановна? Объясненіе добродушнаго Родіона, можетъ быть, и вѣрно, но оно не менѣе нелѣпо, чѣмъ самый фактъ. Чтобы дѣлать людямъ добро, надо ходить около нихъ цѣлые годы, „терпѣть“ предварительно и путемъ терпѣнія добиться права быть добрымъ, не возбуждая злобныхъ выходокъ и подозрѣній...

Тема, затронутая Чеховымъ, не новая и часто служила

для Успенскаго иллюстраціей непримиримости деревенскаго міросозерцанія и кающагося интеллигента, который вмѣсто распростертыхъ объятій встрѣчаетъ въ деревнѣ вражду. Только Успенскій обобщалъ эти столкновенія, видя въ нихъ продуктъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній, не допускающихъ вполне человѣчныхъ отношеній въ деревенскомъ людѣ, для котораго и самый искренній интеллигентъ все же представлялся бариномъ. Теперь эти старыя воспоминанія значительно сгладились, но не создалась зато и новая почва, на которой обѣ стороны могли бы сойтись, какъ равныя. Такая почва создается только общностью интересовъ, а они такъ еще спутаны и не ясны для обѣихъ сторонъ, что если и есть какая почва для взаимныхъ отношеній, то безъ крупныхъ недоразумѣній дѣло никогда не обходится. Деревня можетъ понять только опредѣленный, матеріально выражающійся интересъ, и трогательныя наивныя рѣчи Елены Ивановны ей чужды и непонятны, какъ показались бы странныя такія же рѣчи со стороны деревни по адресу того или иного интеллигента, котораго деревня не знаетъ и къ которому обратилась бы вдругъ съ изъявленіями любви, дружбы и всяческихъ симпатій. Теперь между нами и деревней существуютъ тысячи перегородокъ, и можно годами жить въ деревнѣ и не быть съ ней связаннымъ непосредственно хотя бы въ пустякахъ, въ родѣ, на примѣръ, выбора общаго сотскаго. А интересы такіе существуютъ несомнѣнно, и время все настойчивѣе указываетъ на необходимость разбить перегородки, окружающія деревню, какъ своего рода стеклянныи колпакомъ. Теперь существуетъ назойливо бьющая въ глаза ненормальность, что масса лицъ, живущихъ въ предѣлахъ деревни, лишены правъ обсуждать вмѣстѣ съ нею общія дѣла, какія встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Послѣдній пропойца можетъ принимать участіе въ сходѣ и подавать голосъ, выбирать судей и должностныхъ лицъ, но не принадлежащій къ обществу, хотя не менѣе его заинтересованный мѣстный обыватель, живи онъ тутъ хоть сто лѣтъ, — лишенъ права и возможности непосредственнаго воздѣйствія на дѣла міра. Идетъ ли вопросъ объ учрежденіи школы, въ которой будутъ учиться и его дѣти, или о проведеніи новой общей для всѣхъ дороги, или о необходимости столь важныхъ для деревни противопожарныхъ мѣръ, выборѣ новыхъ

7. должностныхъ лицъ, на которыхъ и съ него идетъ слѣдующая сумма, — все равно, такой обыватель, кто бы онъ ни былъ, стоитъ въ сторонѣ. А между тѣмъ, за послѣдніе годы такихъ не приписанныхъ къ обществамъ жителей можно встрѣтить въ любой деревни, — есть такіе села, гдѣ они составляютъ особые населенія, — и по большей части это самый культурный слой деревенскаго населенія, прямое участіе котораго въ жизни деревни не только желательно, но необходимо. Къ сожалѣнію, имъ можно фигурировать въ деревенской жизни только въ роли разныхъ благотворителей, — почва, самая ненадежная, даже при самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Жизнь стучится въ замкнутыя двери деревенскаго міра, и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти двери откроются, только не для слабыхъ и больныхъ душою, хотя такихъ искреннихъ и добрыхъ людей, какъ бѣдная Елена Ивановна. Здѣсь нужны здоровые, сильные люди, которые были бы живо заинтересованы всѣми неурядицами современной деревни и могли бы принять непосредственное участіе въ борьбѣ съ ними. До сихъ поръ ихъ деревня знаетъ лишь въ образѣ случайно занесеннаго человѣка — „По дѣламъ службы“, какъ называется третій рассказъ Чехова, напечатанный въ „Недѣлкѣ“. Какъ два предыдущіе, рассказъ проникнутъ однимъ общимъ для нихъ настроеніемъ печали, грустнаго сознанія ненужности того, что дѣлается, и тоски о лучшихъ человѣчныхъ отношеніяхъ между людьми, теперь такими чуждыми другъ другу, разрозненными и одинокими.

Въ деревнѣ застрѣлился молодой человѣкъ, земскій страхово́й агентъ, и на слѣдствіе пріѣзжаютъ два молодыхъ чиновника, докторъ и слѣдователь. Они запоздали, явились только на третій день, да и то къ ночи, и слѣдствіе опять откладывается на утро. Докторъ уѣзжаетъ къ сосѣднему знакомому помѣщику, а слѣдователь рѣшается заночевать въ земской квартирѣ, гдѣ въ другой половинѣ лежитъ трупъ самоубійцы подъ охраной понятыхъ и сотскаго. Этотъ сотскій, или, какъ онъ самъ себя величаетъ „цоцкай“, Лошадинъ, суетливый, добродушный старикъ, принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ дѣлѣ и является центральной фигурой рассказа. Приготовивъ слѣдователю постель и самоваръ, онъ занимаетъ его разговоромъ, повѣствуя и о своей несложной

жизни, и о покойномъ земскомъ агентѣ Лѣсницкомъ, трупъ котораго сторожатъ за перегородкой понятые. Вся жизнь сотскаго ушла въ ходьбу. „Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ этого время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, Христосъ воскресе, а я съ сумкой... Въ казначейство, на почту, къ становому, къ земскому, къ податному, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Ношу пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости и, значитъ, господинъ, хорошій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бланки пошли, чтобы цифры записывать — желтые, бѣлые, красные, — и всякій баринъ, или батька, или богатый мужикъ безпремѣнно записать долженъ разъ десять въ годъ, сколько у него посѣяно и убрано, сколько у него четвертей, или пудовъ ржи, сколько овса, сѣна и какая, значитъ, погода и разныя тамъ насѣкомыя. Конечно, пиши, что хочешь, тутъ одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потомъ ходи и собирай. Вотъ, къ примѣру сказать, барина потрошить не къ чему, самъ знаешь, пустое дѣло, только руки поганить, а ты вотъ потрудился, ваше высокоблагородіе, пріѣхалъ, потому форма; ничего тутъ не подѣлаешь. Тридцать лѣтъ хожу по формѣ“... Разсказываетъ онъ и про Лѣсницкаго, земскаго агента, который все тосковалъ... „Ходить и все въ землю глядить, глядить и молчить; окликнешь его у самага уха: „Сергѣй Сергѣичъ!“ — а онъ оглянется этакъ:— „А?“ — и опять глядить въ землю. А теперь, видишь, руки на себя наложилъ. Нескладно, ваше высокоблагородіе, неправильно это самое и не поймешь, что такое на свѣтѣ, Господи милостивый“...

8. | Эти разговоры, вой метели на дворѣ, неуютная обстановка мѣшаютъ слѣдователю спать, досаждаютъ ему. Ему думается, „какъ все это — и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ, — какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бъ этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же,

за тысячу верстъ отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только „по формѣ“, какъ говоритъ сотскій Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ деревни. Родина, настоящая Россія — это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, напимѣръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружнаго суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непременно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтной ролью и только ждешь одного отъ жизни — скорѣе бы уйти, уйти“...

Пріѣздъ доктора отрываетъ его отъ полудремотныхъ мыслей на эту тему. Докторъ зоветъ его къ сосѣду, у котораго можно пріятно провести вечеръ и съ удобствомъ переночевать. Быстрый переходъ отъ унылой земской квартиры съ ея покойникомъ, понатыми, сотскимъ, къ яркой, веселой и спокойной жизни сосѣда помѣщика вызываетъ еще болѣе раздражающее чувство безсвязности этой жизни, въ которой все какъ-то само по себѣ, безъ всякаго отношенія другъ къ другу. Сосѣдъ Туаницъ, бывшій прокуроръ, его милая интеллигентная семья, хорошая обстановка какъ-то бередаютъ мысли Лыжина, разрываютъ ихъ, не даютъ ему найти какой-либо центръ въ его собственной жизни, центръ, съ котораго онъ могъ бы осмыслить все, привести въ порядокъ и найти мѣсто для самого себя. Подъ шумъ и вой разыгравшейся метели сонъ его беспокойный. Ему мерещится во снѣ земская квартира, самоубійца и сотскій.

„Потомъ ему представилось, будто Лѣсницкій и сотскій Лошадинъ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ-о-бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружилась надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подпѣвали: „Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ“. — Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, и оба въ самомъ дѣлѣ пѣли точно въ театрѣ. „Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ“...

Лыжинъ проснулся и сѣлъ въ постели. Какой смутный, нехорошій сонъ! И почему агентъ и сотскій приснились вмѣстѣ? Что за вздоръ! И теперь, когда у Лыжина сильно билось сердце, и онъ сидѣлъ въ постели, охвативъ голову руками, ему казалось, что у этого страхового агента, и у сотскаго въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни. Не идутъ ли они и въ жизни бокъ-о-бокъ, держась другъ за друга? Какая-то связь невидимая, но значительная существуетъ между обоими, даже между ними и Тауницемъ, и между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшійся, убившій себя „неврастеникъ“, какъ называлъ его докторъ, и старикъ мужикъ, который всю жизнь каждый день ходитъ отъ человека къ человеку, — это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случайнымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это. Такъ думалъ Лыжинъ, и это было его давней затаенной мыслью и только теперь она развернулась въ его сознаніи широко и ясно.

Онъ легъ и сталъ засыпать; и вдругъ опять они идутъ вмѣстѣ и поютъ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самага тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны, какъ вы.

То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежать и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное, въ жизни — какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастли-

✓ выхъ, довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни — это значить постоянно мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадой или усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять.

Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

Метель задерживаетъ доктора и слѣдователя на цѣлыя сутки у сосѣда, а на третій день, когда они садятся въ сани, чтобы ѣхать на слѣдствіе, передъ ними вырастаетъ сотскій Лошадинъ съ неизмѣнной сумкой черезъ плечо, безъ шапки, весь въ снѣгу и убѣдительно-заискивающе докладываетъ:

— „Ваше высокоблагородіе, народъ беспокоится... Народъ очень беспокоится, ребята плачутъ... Думали, ваше благородіе, что вы опять въ городъ уѣхали... Явите божескую милость, благодѣтели наши“...

Насъ всегда чрезвычайно интересовалъ вопросъ, почему наша молодежь, повидимому, такая бодрая, полная готовности къ самопожертвованію на благо другихъ, — съ такой поразительной легкостью превращается въ зауряднѣйшихъ людей, живущихъ и дѣйствующихъ „по формѣ“. Лыжинъ только типичный представитель молодыхъ дѣятелей въ русскомъ вкусѣ. Въ годы университетской жизни человѣкъ кипитъ, горитъ, всѣмъ сердцемъ чувствуетъ свою связь съ общей массой не только своего народа, но даже всего міра. Мысли, навѣянные сномъ Лыжина, это постоянный предметъ разговоровъ и споровъ о всякихъ „измахъ“. Но вотъ человѣкъ вступаетъ въ жизнь, сталкивается въ дѣйствительности съ „соціальными факторами“, только не въ видѣ священныхъ формулъ того или иного признаннаго учителя, а въ видѣ живыхъ людей, страдающихъ и борющихся, — и ничего не понимаетъ, не видитъ и не слышитъ. Получается именно то, что мѣтко выражаетъ Чеховъ въ думахъ Лыжина: все это мелочь, пустяки, не жизнь, а такъ себѣ, а важное, существенное гдѣ-то тамъ — въ книгѣ, въ спорахъ, въ увлекательныхъ стройныхъ положеніяхъ разработанной научной системы.

Въ героѣ разсказа старыя душевныя мысли всплываютъ подъ вліяніемъ страннаго сна, но врядъ ли надолго. Какъ и огромное большинство, онъ подчинится условіямъ жизни,

— 187 —

10 гдѣ нѣтъ мѣста этимъ важнымъ мыслямъ, гдѣ нѣтъ почвы для ихъ проведенія въ жизнь. Чтобы чувствовать на каждомъ шагѣ живую связь съ массою, надо, чтобы между людьми были постоянно живыя нити взаимнаго общенія, взаимныхъ интересовъ. Гдѣ каждый живетъ въ перегородкахъ, отдѣляющихъ его живую личность отъ другихъ, гдѣ форма на первомъ планѣ, а содержаніе сводится къ бумагѣ, къ отношеніямъ и предписаніямъ, властно подчинившимъ себѣ живую жизнь, тамъ не на чемъ развить мысль въ дѣло. Огромное большинство, масса, составляющая націю, народъ, состоитъ не изъ героевъ, а изъ среднихъ людей, которые подчиняются охотнѣе, чѣмъ борются, и всегда идутъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. И пока незамѣтно созидающіеся новые запросы и требованія не разобьютъ этихъ перегородокъ, до тѣхъ поръ наталкивать и наводить на эти мысли будетъ литература, а не жизнь.

Тѣмъ цѣннѣе для насъ эти чудные рассказы Чехова, въ которыхъ столько острой боли и щемящей сердце тоски.

Мучительно-тревожное настроеніе чуткаго и вдумчиваго художника отдается въ душѣ читателя, будитъ его притупившуюся къ житейскимъ неурядицамъ чувствительность, заставляетъ дать отчетъ въ своей жизни и дѣятельности. Художникъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ тѣхъ глубоко скрытыхъ общественныхъ настроеній, которыя назрѣваютъ въ массѣ общества, еще безсознательныхъ, но уже властныхъ и многозначительныхъ. „Такъ жить дольше нельзя“, — этотъ горькій выводъ воплощается въ рядѣ грустныхъ картинъ, понятныхъ, кто еще имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

А. Б.